

ГНИ КУЗБАССА

Содержание

ПРИМЕР ВДОХНОВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ДЕЛУ КОММУНИЗМА - Из речи товарища Н. С. ХРУЩЕВА на митинге в станице Вешенской	3
И. МИЛИПЕЦ - Герои нашей эпохи живут среди нас.	5
Л. ШЕФНЕР - Счастья здесь хватит на всех, стихи .	10
Н. ИЗМАИЛОВ - Поэзия цифр, стихи	11
Г. ТУЧИН - Утро родного края, Как это будет, Апельсины, стихи.	12
Н. ПАВЫДЧЕНКОВ, В. КАЛАЧИНСКИЙ - Разведчики симметки, очерк .	13
В. МАХАЛОВ - Россия, Навстречу ветру, Пожар, стихи .	30
ВОЛОШИН - Дороги зовут, повесть.	31
ЛИСОВСКИЙ - Облик Сибири, стихи .	43
Г. ШКОЛ - Мой город, «Не сегодня только...», «Сквозь эту белую тумана...», Раздумье, стихи .	44
9 ты Томска: А. ГУСЕВ - Юному другу, В поле, МУЛЛИН - У девочки красивые бусы .	45
КОГАН Первый валок, Г. ОВЕЧКИН - Клен, ЩЕРБИНИН - В Крыму, Г. ЮРОВ - Над кровом .	46
МОЛОСТНОВ - Сквозь мелочи жизни, рассказ .	47
ПИЧУГИН - Мать, стихи .	47
ПЛУЩЕНКО - Девочка, стихи .	48
ШИШКИН - Старый шахтер, стихи .	50
СЕРГЕЕВ - Прямой наводкой, Ю. РАЗУМОВСКИЙ - if свет, стихи .	51
БУРАЛЕВ - Баллада о сапере, Бригадир Али рабек, Трудный пикет, стихи .	52
ДУБСКИЙ - Макар Иванович, Жалоба, газы .	54
Анна Александровна - Шахтерская душа, стихи .	58
Бак в наш - Капитаны, рассказ .	59
В пути. В. СОБОЛЕВ - Весна, .	59
Гре, шуми, золотое. Г. ХОЛОДЕНИН -	60
ых камней, стихи .	60
Светлана, Жажда, стихи. Г. УМНОВ.	61
с доку м о поэте-земляке .	61
ИН И . ийдем по тропинкам, стихи .	64

Литературно-художественный
и общественно-политический

АЛЬМАНАХ

Кемеровского областного
литературного объединения

12

Ноябрь 1959 г,

Год издания 11-й

ОБЛАСТНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. Кемерово

Н. И. Якушин,
кандидат филологических наук

Сибирский период творчества Ф. М. Достоевского

(Возобновление литературной деятельности)

В обширной критической литературе о Ф. М. Достоевском сибирский период его жизни освещается и освещается очень бегло. Внимание исследователей всегда обращалось преимущественно на характеристику взглядов писателя, сложившихся после выхода из каторги, а процесс формирования мировоззрения Достоевского и художественные произведения, написанные им в Сибири, получали лишь самую общую оценку.

Между тем годы, проведенные на каторге и в ссылке, были для Достоевского не только временным мучительного пересмотра своих прежних верований и убеждений, но и годами упорной борьбы за право писать, за право вернуться в литературу. Здесь, в Сибири, родились замыслы многих будущих творений художника, были созданы повести «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», написаны фрагменты «Записок из мертвого дома», романа «Униженные и оскорбленные».

Все это позволяет говорить о том, что сибирский период является важной вехой в творческом развитии писателя, что он может и должен стать предметом специального и самого пристального изучения.

Почти десять лет (1850—1859 гг.) провел Достоевский в Сибири: сначала в Омской каторжной тюрьме, а потом в Семипалатинске, где служил в Сибирском № 7 батальоне. И ни на одну секунду в его сознании не прекращалась напряженная внутренняя работа. В воображении писателя возникали стройные очертания новых романов, повестей, прорисовывались яркие характеры героев. Но далеко не всегда он имел возможность вдохнуть в них жизнь. Ведь за четыре года, проведенные на каторге, Достоевский не мог написать ни одной строчки, не считая редких записей в «Сибирской тетради»¹), которые он делал от случая к случаю. Сменяв аре-

стантский халат на солдатскую шинель, писатель остался таким же узником и редко мог выкроить свободную минуту для работы. И только в конце своего пребывания в Сибири он получил возможность более или менее спокойно и систематически трудиться.

Таким образом, литературная деятельность Достоевского в Сибири протекала неравномерно, ее условно можно разделить на два отрезка времени. Первый, охватывающий время 1850—1856 гг., когда писатель только готовился к возобновлению литературной деятельности, когда он собирал и готовил материал для своих будущих произведений, когда он после многих лет вынужденного молчания заговорил в письмах к родным и знакомым своих героев, когда, скрываясь, писал «цифровые эпиграфические стихи»¹). с 1857 по 1859 гг., когда были созданы сибирские повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково».

Задача настоящей статьи — характеризовать начало сибирского периода творчества Достоевского.

С того первого дня, как Достоевский оставил позади ворота Омской каторжной тюрьмы, он жил только одной мыслью — вернуться в литературу. Он отлично понимал, что за те четыре года в течение которых он был оторван от умственной жизни своей страны, многое должно было измениться. И действительно, за это время было опубликовано множество новых произведений, в литературе появились новые имена, совсем другие мысли и идеи волновали теперь читающую публику.

Достоевский спешит наверстать упущенное время. Он жадно читает все, что ему попадаете;

¹) Отдельные сведения по этому вопросу можно найти в статье Л. Гроссмана «Гражданская смерть Достоевского» («Литературное наследство», т. 22—24, М., 1935, стр. 683—692) и в статье П. Сакулло «Второе начало» (Ф. М. Достоевский Письма. т. II. М.—Л., 1930, стр. 523—545).

руку. В письмах к брату он настойчиво просит присыпать ему больше книг. «...Книги — это жизнь, писца моя, моя будущность!»¹⁾

Круг интересов Достоевского всегда был очень широк, но теперь ему хочется особенно много знать. Он систематически читает новейшую периодическую литературу, произведения знакомых и незнакомых авторов, просматривает журналы за последние годы.

Достоевский никогда не был пассивным созерцателем литературного процесса, никогда не был писателем, стоявшим в стороне от решения важнейших вопросов как общественной, так и литературной жизни. И поэтому ему как можно скорее хочется окунуться с головой в литературную борьбу. В письмах к брату и своим друзьям он к только интересуется литературными новостями, и сам высказывает суждения о только что прочитанных книгах, о творчестве отдельных писателей, говорит об ответственности художника перед читателем, о необходимости бережного отношения писателя к своему дарованию. Этими мыслями ему хочется поделиться с широкими читательскими кругами. Он мечтал написать большую статью «Письма об искусстве» и даже начал работать над ней.

Позднее Достоевский предполагал написать целую серию статей, посвященных современному состоянию русской литературы, но этому замыслу не ужено было осуществиться. В письме к брату от 1 ноября 1857 года он сообщал: «Хотел было я под рубрикой «Писем из провинции», очинений о современной литературе, у меня много озревшего, то я обратил бы на себя внимание. И что же: за десятилетие, остановившееся»,²⁾ отметить, что именно с опубликованием литературно-критических статей Достоевский возобновил свою прерванную каторгой писательскую деятельность. Он думал, что вступление в литературу лучше начать «серезной статьей (об искусстве) и на нее просить разрешение писать; ибо на роман до сих пор открыто как на устячки»^{3).}

Но главное, о чем заботится сейчас Достоевский, конечно, о том, чтобы ему разрешили публиковать свои произведения. Ему неважно, с чем он предстает перед читателем; будет ли это статья об искусстве, роман или повесть. Главное — начать, главное — увидеть свое имя в печати, а там...

Огромное количество материала скопилось у писателя за все эти годы. «Не могу вам выразить, — уверительно сообщил он поэту А. Н. Майкову, — я так мук потерпел оттого, что не мог в каторге писать. А между тем внутренняя работа идет. Кое-что выходило хорошо, я это чувствую.

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 139.

²⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. II М.-Л., 1936, стр. 585.

³⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. II М.-Л., 1928, стр. 184. Однако, спустя год в письме к Е. И. Кушину от 1 июня 1857 г. он говорил иначе: «Скажу вам без обиняков, что у меня давно уже опредено, с чего начинать, и с другого я не начну, хотя есть кое-что другое, но кроме романа и повести, я ни с чего другого не начну». (Письма, т. I, V 221).

вал. Но выйдя из каторги, хотя все было готово, я не писал. Я не мог писать».¹⁾

Достоевский не мог писать, не будучи уверенными в том, что написанное им дойдет до публики. Ему необходимо было теперь же видеть перед собой читателя, необходимо было теперь же поделиться с ним тем огромным количеством замыслов, мыслей, идей, которые пока еще беспорядочной вереницей теснились в его голове, мешали спать, думать, жить. Он пробует начать писать. Но работает беспорядочно, несистематически: мешает непривычная казарменная обстановка, неподходящая для большого писателя солдатская служба и, наконец, отсутствие связи с тогдашним литературным миром. Значительно осложняет и без того трудную жизнь Федора Михайловича начавшийся роман с М. Д. Исаевой. Но писать хочется, хочется забиться, уйти от этой жизни в мир мыслей и чувств своих героев, вместе с ними страдать, любить, надеяться и ненавидеть. Достоевский начинает понемногу систематизировать и записывать свои воспоминания о страшных годах, проведенных в «мертвом доме». «В часы, когда мне нечего делать, — пишет Достоевский А. Н. Майкову, — я кое-что записываю из воспоминаний моего пребывания на каторге, что было полюбопытнее».²⁾ «Записки из мертвого дома» в том виде, в каком они появились несколько лет спустя: но первоначальные наброски и отдельные эпизоды создавались писателем в первые годы пребывания в Семипалатинске. Это подтверждает и А. Е. Врангель в своих «Воспоминаниях».

Создавая отдельные эпизоды «Записок из мертвого дома», фрагменты статей об искусстве и литературе, Достоевский одновременно приступает к работе и над другими произведениями. Еще на каторге он в течение нескольких лет обдумывал «большую повесть». Когда писатель приступил к воплощению своего замысла, осталось невыясненным. Но весьма вероятно, что план повести и отдельные куски ее были написаны вскоре после выхода из каторги, хотя Достоевский и говорил, что отложил пока работу над ней «в сторону», т. к. «нужно более спокойствия духа». Одновременно у него возникает замысел «комического романа».

Оба эти произведения не были завершены писателем в первые годы пребывания в Семипалатинске. Позднее «большая» повесть получила название «Село Степанчиково и его обитатели», а отрывок из «комического романа» превратился в повесть «Дядюшкин сон».

Таким образом, несмотря на обилие материала, страстное желание творить, Достоевский в течение первых трех лет после выхода из каторги, по существу, ничего законченного не создает, ни над чем систематически не работает. Один замысел сменяет другой, и большинство задуманных произведений оформляется пока лишь в виде планов, отдельных набросков и фрагментов.

Иключение составляют эпистолярное наследие Достоевского периода его жизни в Сибири и цикл сибирских стихотворений («На европейские собы-

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 167.

²⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 164.

тия 1854 г.», «На 1 июля 1855 года» и «На вступление на престол Александра II».

Как и многие русские писатели, Достоевский чрезвычайно внимательно относился к переписке, которую всегда вел с очень обширным кругом людей. В сибирский период своей жизни писатель оживленно обменивался письмами со старшим братом М. М. Достоевским, со своим новым приятелем А. Е. Врангелем, с М. Д. Исаевой, ставшей позднее его женой, со своим другом петрашевцем А. Н. Плещеевым, с женами декабристов Н. Д. Фон-Визиной и П. Е. Анненковой и др. В этих письмах нашли отражение многие факты из жизни писателя в Сибири, а также вопросы, связанные с процессом формирования его мировоззрения в этот период.

Отвечая своим многочисленным корреспондентам, Достоевский очень заботился о стиле и языке своих посланий, рассматривая их как своеобразный вид художественного творчества.

Эпистолярный жанр был близок писателю, и он охотно использовал его в своих произведениях. В форме переписки написана его повесть «Бедные люди», рассказ «Роман в десяти письмах». Письма неотъемлемой частью вошли в большинство его крупных романов.

Письма сибирского периода жизни писателя интересны прежде всего с точки зрения отражения в них мучительного процесса пересмотра прежних взглядов, верований, убеждений. Этот процесс начался у Достоевского еще в Петербурге, в долгие месяцы одиночного заключения, а затем в Омской каторжной тюрьме, когда он день за днем пересматривал всю свою жизнь, стремясь объяснить себе все то, что произошло с ним.

Как происходил этот пересмотр взглядов у писателя, проследить очень трудно. Сам он говорит об этом крайне неохотно, всегда стремясь перенести разговор на другую тему, уйти от прямого ответа, отдалиться общими, ничего не значащими словами.

Однако молчать и отделяться намеками можно было далеко не всегда. Приходилось высказываться и более определенно. Но далеко не всегда при этом писатель говорил правду. В целом ряде писем Достоевский говорит, например, о полном отказе от прежних своих взглядов и убеждений. В письме к Тотлебену от 24 марта 1856 года он писал, что «был осужден... ми справедливо», что долгий опыт, тяжелый и мучительный, протрезвил... и переменил» его мысли, что ему тяжело «страдать за то, чего уже нет, что изменилось в нем в противную сторону, — страдать за прежние заблуждения, которых неосновательность уже сам видит»¹).

Мог ли иначе говорить Достоевский в письме, в котором просил исходатайствовать ему отставку и возможность печататься, в письме, от которого зависела вся его дальнейшая жизнь?! Конечно, здесь была известная доля правды. Но этот процесс пересмотра прежних убеждений происходил очень сложно и отнюдь еще не был закончен я это время. Со своим прошлым писатель расставался с большим трудом, с болью и страданиями. Поэтому

письма Достоевского надо уметь читать. Нужно в каждом отдельном случае иметь в виду, кому, кем он писал и с какой целью.

Только в двух письмах Достоевский высказывает более искренне, хотя и в них многое не досказано. Речь идет о письмах к Н. Д. Фон-Визиной, написанных сразу же после выхода из каторги, и к А. Н. Майкову от 17 января 1856 года.

Н. Д. Фон-Визина была одной из тех, кто принял в судьбе Достоевского самое горячее участие. Писатель никогда не забывал об этом. В ней он почувствовал человека, который может его понять, и этому человеку он обращается с большим посланием, где впервые за много лет попытается изложить сущность своих новы² взглядов.

Оглядываясь на прожитые годы, Достоевский еще полон сомнений, неуверенности. «Я — дитя века», — говорит он о себе, — «дитя неверья и сомнения до япор и даже (я знаю это) до гробовой доски».³ И вот в этих сомнениях, колебаниях у Достоевского выработалася, говоря его словами, свой «самоубер», который сложился у него в те минуты, когда он был «совершенно спокоен» и чувствовал, что «любит и другими любим». Сущность этого слова сводилась к следующему: «верить, что ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, ... и не может быть. Мало того если бы кто доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной»².

Многие годы, оторванный от общественного движения России, Достоевский признавался, что многое теперь еще неясно, что он живет в каком-то жаждании, что с ним «в скором, очень скором времени, должно случиться что-нибудь решительное», что он «приближается к кризису всей своей жизни», что он «как будто созрел для чего-то, и что будет что-нибудь, может быть, тихое и ясное, может быть, грозное, но но всякому случае неизбежное»³.

Вот с какими мыслями оставил Достоевский Омский острог. Но вопреки его ожиданиям, «кризис его жизни» произошел не так скоро, как ожидал писатель, а затянулся на долгие годы.

Прошло два года. Это было время напряженных исканий, внимательного изучения явлений общественной жизни. Многое для писателя прояснилось но во многом он гая и не смог разобраться, а многое осталось вне поля его зрения.

Жизнь шла вперед. Началась и окончилась Крымская война, умер Николай I, из России доходили слухи о подъеме общественного движения и того вящемся освобождении крестьян. Все это время Достоевский почти ни разу ни с кем не говорил о том, что он передумал и перечувствовал.

Правда, в письме к Майкову от 18 января 1856 года писатель говорит кое-что. Но и здесь мы пайдем множество недомолвок. В этом письме Достоевский высказывает мысль о том, что все его прошлое было ошибкой, заблуждением. Он даже утвер-

¹) Ф. М. Достоевский. Письма, т. I. М.-Л. 1928, ф. стр. м. 143

²) Достоевский. Письма т. I. М.-Л. 1928, стр. 142.

³) Там же.

— это, что «оно не более, как случай¹». «Идеи утонули в социализме, в которые он верил, показавшись ему теперь нежизненными. «Идеи, — писал Достоевский, — меняются». Изменились они и у Достоевского. Теперь он во многом солидарен с взглядами Н. Майкова, отказавшегося к этому времени от своих увлечений демократическими идеалами и приведавшего идеи христианства, русской государственности. Но, в отличие от Майкова, Достоевский не считал эти взгляды чем-то новым, каким-то откровением. Он говорит, что всегда разделял мысли и убеждения, что он «всегда был истинный русский»². Под этим гротескную любовь тающей родине и глубокую веру в то, что Россия надлежит великое будущее, что она в конце концов будет за собой все народы, что она объединит их в единое общечеловеческое братство. Да, в мысли Достоевского разделялся всегда. Но теперь он считает, что народы обединяют не идеи социализма и христианства, а точнее идеи православной жизни. Вот в каком плане шло изменение взгляда Достоевского. Но эти мысли у него еще только возникли, и он еще не был окончательно утвержден в их истинности.

Итак, процесс пересмотра прежних убеждений у Достоевского не был завершен в первые годы после выхода из каторги. Это произошло значительно позже, уже после возвращения из ссылки. Но письма и писателя к Фон-Визиной и Майкову все же дают возможность проследить, в каком направлении развивались мысли Достоевского, определившие в дальнейшем характер его мировоззрения.

Наиболее значительную часть сибирского эпистолярного наследия писателя составляют письма к Е. М. Достоевскому. К своему любимому старшему брату чаще всего обращается он со всякой рода просьбами, с ним ему хочется поделиться своими чувствами и мыслями, к нему он адресует свои большие послания.

Особенно интересно первое письмо, написанное Достоевским после выхода из каторги, в котором и в сжатой, конспективной форме излагает многие бытия, художественно воплощенные позднее в «Записках из мертвого дома». Это письмо можно с полным основанием считать одним из первых этюзов, одним из ранних набросков знаменитых «Записок».

К его удивлению, брат отвечает ему очень короткими записками или вообще молчит. Причем отчуждение это продолжается иногда по 6-8 месяцев. Не получая отпорта на свои письма, Достоевский вскоре оживился. Он уже не уверен в прежней привязанности брата. Его письма к нему становятся все более сдержаными. Но не в смысле излияния чувств. Нет. Они по-прежнему переполнены увещаниями в любви и преданности, страстными призываами любить его, не забывать, горькими сетованиями на свою многострадальную участ³.

¹ Ф. М. Достоевский. Письма т. I М.-Л., 1928, стр. 165.

² Там же.

³ Своё молчание М. М. Достоевский обяснял следующим образом: «Мысль, что каждую строчку свою прочтут люди посторонние, охладила во мне склонность говорить с тобой». (Достоевский. Письма т. I М.-Л., 1928, стр. 529).

Письма к брату позволяют нам более ярко представить себе жизнь писателя в ссылке. Мы узнаем о его страшной нужде, о безуспешных его попытках достичь денег, о его здоровье, которое день ото дня становилось хуже. Наконец, в этих письмах (особенно в последний период пребывания писателя в Сибири) много говорится о работе Достоевского над своими сибирскими повестями и о его новых творческих замыслах.

Переписка Достоевского с братом поражает пестротой стиля. Писатель то говорит спокойно, последовательно развивая свои мысли, то вдруг начинает волноваться, и сразу же тон письма меняется. Перед нами появляются какие-то отдельные равнозначные фразы, в которых чувствуется и затаенное страдание, и горечь, и глубокие душевые муки.

В некоторых письмах писателя к брату нельзя не почувствовать связи отдельных фраз и даже целых абзацев с речью героев ранних произведений Достоевского. Это говорит о том, что сибирская переписка писателя была тоже своего рода творческой лабораторией, где он оттачивал свое перо и самым серьезным образом готовился к возобновлению литературной деятельности.

Большое количество сибирских писем Достоевского адресовано к его семипалатинскому приятелю А. Е. Врангелю, с которым писатель близко сопротивлялся и подружился в первые годы ссылки. Письма к Врангелю интересны прежде всего тем, что в них необычайно подробно рассказывается о развитии взаимоотношений между Федором Михайловичем и Марией Дмитриевной Исаевой.

Интереснейшей частью сибирского эпистолярного наследия были письма Достоевского к М. Д. Исаевой, с которой он переписывался с мая 1855 года, т. е. со времени ее отъезда из Семипалатинска в Кузнецк, вплоть до начала 1857 года. Известно, что между ними велся очень оживленный обмен письмами.

Но из всей этой, видимо, большой переписки сохранилось лишь одно письмо. Остальные, вероятно, были уничтожены Исаевой.

Судить о характере переписки по одному письму, конечно, трудно, но если прибавить к этому же свидетельства, которые есть в письмах Достоевского к Врангелю, то можно все-таки сделать некоторые обобщения.

Письма Федора Михайловича к своей возлюбленной писались пылко, горячо, страстно. В них он как будто спешит, торопится высказаться. Ему хочется сказать все сразу. Все кажется чрезвычайно важным, а главное, ему хочется говорить с той, которой принадлежало его сердце. Он полон тревоги за ее судьбу, хочет успокоить, подбодрить, но это ему плохо удается. Ибо он сам в отчаянии, ибо все вокруг напоминает ему о разлуке, и он не в силах с ней примириться. Федор Михайлович вспоминает встречи, вечера, проведенные в доме Исаевых, снова и снова говорит о том, как дороги были для него «женское сострадание, женское участие», которыми его окружила Мария Дмитриевна. Сам того не замечая, писатель в письмах к своей любимой начинает говорить языком героя «Бедных людей» Максима Горького. Сам Достоевский признавал себя и М. Д. Исаеву в какой-то мере героями «Бедных людей». Говоря о своей возлюбленной, он писал: «Она в положении моей героини в «Бедных людях».

которая выходит за Быкова (напророчил же я се-
бе)¹).

Много сведений о жизни писателя в Сибири, о его интересах, творческих замыслах содержится в письмах к поэту-петрашевцу А. Н. Плещееву, сыну декабриста Е. И. Якушкину, казахскому ученому Ч. Валиханову.

Таким образом, сибирские письма содержат в себе многие сведения о жизни Достоевского в Сибири, позволяют судить о процессе пересмотра им своих прежних взглядов и формирования новых, а также являются литературным памятником, в котором отразились особенности стиля писателя его мастерство художника.

Особое место в творчестве Достоевского занимает сибирский цикл его стихотворений. Сам писатель при жизни никогда не упоминал о своих стихах и никогда не включал их ни в одно собрание сочинений. Он считал их, по всей вероятности, слабыми как с точки зрения идейного содержания, так и со стороны художественной формы. Вместе с тем сибирские стихи предназначались в свое время для печати и поэтому представляют известный интерес с точки зрения отражения в них взглядов писателя и своеобразия его художественного метода.

Покинув в феврале 1854 года мрачные стены «мертвого дома» и став солдатом 7-го Сибирского линейного батальона, Достоевский хорошо понимал, что в его жизни почти ничего не изменилось, что дорога в литературу для него по-прежнему закрыта. «В солдатской жизни я так же пленник, как и прежде».

Фон-Визиной.

Не имея в Петербурге ни влиятельных родных, ни высокопоставленных знакомых, писатель решает на свой страх и риск предпринять попытку ускорить свою реабилитацию. С этой целью он и пишет стихи.

В апреле 1854 года, т. е. через месяц после прибытия к месту своей ссылки в Семипалатинск, Достоевский пишет первое стихотворение «На европейские события в 1854 году», в котором стремится дать оценку политическому положению, сложившемуся тогда на Западе.

В это время вся Европа жила в ожидании больших событий. Уже в течение полугода шла война между Россией и Турцией. Чаша весов склонялась далеко не в сторону последней. Но на помощь туркам пришли Англия и Франция, которые предъявили Николаю I ультиматум, а затем объявили России войну. В это время в официальной печати в изобилии появлялись так называемые «патриотические» произведения. В них прославлялось самодержавие, его политика, осуждались союзники Турции англичане и французы и т. д.

Учитывая популярность шовинистических идей среди некоторых слоев русского общества и то внимание, с каким правительство относилось к «патриотической» литературе, Достоевский тоже решил присоединить свой голос к общему хору славословий по адресу самодержавной России и православной ве-

ры. Так появилось на свет стихотворение: «На европейские события в 1854 году».

В своем стихотворении Достоевский упорно доказывает мысль об особой судьбе России, о ее праве на господство в Азии. Он утверждает, что подобная роль предопределена Россией свыше, что она призвана возродить Византию, что этот час настал.

Для своего произведения Достоевский выбрал жанр оды. Этим он, несомненно, отдавал дань увеличению и возрождению в официальной литературе середины 50-х годов героической оды эпохи классицизма. Но его опыт создания стихотворной оды оказался неудачным.

Нечетко выраженные мысли и некоторая туманность выражений и послужили, по-видимому, причиной того, что стихотворение «На европейские события в 1854 году» не получило одобрения высшего начальства. Представленное вместе с ходатайством о напечатании через штаб Сибирского корпуса в III отделение, оно было похоронено в его архивах.

Неудача не обескуражила писателя. Он твердо верит, что путь, избранный им, наиболее верный и скорее всего приведет к желаемым результатам. И летом 1855 года, вскоре после смерти Николая I, Достоевский пишет новое стихотворение «На 1 июля 1855 года», посвященное вдовствующей императрице Александре Федоровне и приуроченное к ее дню рождения.

Новая попытка Достоевского увенчалась успехом. 21 сентября аудиториатский департамент военного министерства, в свое время приговоривший Достоевского и его товарищевцев к смертной казни, сообщил, что не видит препятствий для смягчения участия ссыльного писателя. А спустя два месяца новый царь Александр II «всемилостивейше повелеть соизволил: «рядового Сибирского линейного батальона Федора Достоевского... произвестъ в унтер-офицеры, во вниманием к хорошему его поведению и усердной службе»²).

Стихотворение «На 1 июля 1855 года», точно так же, как и первая ода Достоевского, теснейшим образом связано с произведениями «патриотической» литературы того времени. По своему идейному содержанию оно мало отличается от мутного потока верноподданнической поэзии, в изобилии заполнявшей страницы официальных газет и журналов. Но новое стихотворение Достоевского тоже было данью времени, моде, настроениям тогдашних официальных кругов и отнюдь не являлось выражением подлинных чувств и мыслей писателя. Это подтверждается хотя бы тем, что ни в одном письме обширной сибирской переписки писателя нет ни единого слова об умершем императоре. И в течение всей своей жизни он почти всегда обходил молчанием личность Николая I. Называя его в своем новом произведении великим человеком, «грозным архангелом», опальный писатель не мог поступить иначе. Ведь на это стихотворение он возлагал особые надежды. Поэтому необходимо было скрыть свое подлинное отношение к Николаю I.

Но ни одного теплого слова не нашлось в оде Достоевского для жандарма Европы. Он сказал о нем только то, чего не мог не сказать.

Главное внимание Достоевский уделяет восхвалению добродетелей императрицы, о которой он, по

¹⁾ Ф. М. Достоевский. Письма, т. I, М.-Л., 1928, стр. 176.

²⁾ М. Ф. Достоевский. Письма, т. I М.-Л., 1928, стр. 143.

¹⁾ «Литературное наследство», т. 22—24, М., 1935, стр. 717.

с вероятности, знал только то, что ее зовут Александра Федоровна. Безудержные похвалы, распределяемые по ее адресу, ни к чему не обязывали писателя, но могли оказать ему важную услугу (так в конечном счете и случилось).

Следует отметить, что стихотворение Достоевского — это не просто зарифмованное прошение на вымышленное имя, а хотя и слабое, но все-таки художественное создание, над которым писатель, надо сказать, увидеть его в печати, тщательно работал. Но газета «На 1 июля 1855 года» лишилась разрешения о том, что Достоевский не был писателем. В стихотворении, за очень редким исключением, мы не найдем истинно поэтических образов; метафоры не отличаются выразительностью, рифмы самые примитивные. Недаром же писателя М. М. Достоевского, сам бывший литератором и не плохим поэтом, в одном из писем

Сибирь писал: «Читал твои стихи и напечатал их плохими. Стихи не твоя специальность»¹). И все-таки это произведение интересно и прежде всего потому, что в нем гораздо более ярко, нежели в других сибирских стихотворениях, нашла отражение личность осужденного писателя. В оде «На 1 июля 1855 года» Достоевский ни на минуту не забывает, для чего и с какой целью она написана. Прославляя деяния Николая I, воспевая добродетель императрицы, писатель прямо говорит, что хочет «прощенье вымолить кровавою слезой». При этом эпитет «кровавый» здесь имеет явно двусмысленное значение. Конечно, его можно рассматривать как выражение высшей преданности, чуть ли не годобрастия (тем более, что сам Достоевский перед этим говорит, что хочет вымолить прощения «в прах повергнувшись» перед императрицей). Но, по нашему убеждению, писатель здесь очень пропаично намекает на то, с какой душевной болью, с каким страданием он решился на этот шаг. Только желание получить свободу, только страстное желание поскорее вернуться в литературу заставило Достоевского написать такое стихотворение.

Истинные мысли и чувства Достоевского, на наш взгляд выражены в пятой строфе оды. Обращаясь к императрице, писатель говорит:

Но, думал, подожду, теперь напомнить рано,
Еще в груди ее болит и ност рана...
Безумец! Иль утрат я в жизни не терпел?
Ужели сей тоске есть срок и дан предел?
Ой Тяжело терять, чем жил, что было мило,
На прошлое смотреть, как будто на могилу,
От сердца сердце с кровью оторвать,
Безвыходной мечтой тоску свою питать,

За всей этой многословной тирадой можно увидеть только соболезнование вдове в постигшем ее несчастье. Но тогда возникает вопрос, что имел в виду Достоевский, когда писал о себе: «Иль утрат в жизни не терпел?».

Здесь идет речь не о чем ином, как о прежних бедствиях писателя, во многом пересмотренных заять с лишним лет каторги и солдатчины. Именно им же «тяжело терять», именно они «были милы» то сердцу, именно их приходилось как «от сердца сердце с кровью оторвать».

Поэтому стихотворение «На 1 июля 1855 года» нельзя рассматривать, как произведение, где выражены только верноподданнические чувства. Здесь, несомненно, нашли отражение некоторые подлинные настроения писателя, его еще до конца не определенные позиции в это время, и, наконец, глубокое уважение к своему прошлому.

Успех стихотворения «На 1 июля 1855 года» окрылил Достоевского, и он решается предпринять новый шаг для получения очередной «милости», толкнула его на мысль, подобно другим литераторам, Коронация нового императора Александра II, которая должна была состояться летом 1856 года, толкнула его на мысль, подобно другим литераторам, обратиться к царю со стихотворным посланием. При этом Достоевский надеялся не только получить очередную «милость» — офицерский чин, но и позволение печататься.

Новое произведение писателя было благосклонно встречено в Петербурге, и хотя разрешения на его печатание не было получено, тем не менее вскоре последовало «высочайшее поздравление унтер-офицера Достоевского произвест в прaporщики». Получение первого офицерского чина как будто бы свидетельствовало о полном прощении писателя. Но это было не совсем так. Самого главного, чего так упорно добивался писатель, — права печататься — сму предоставлено не было.

Подводя итоги, можно сказать, что стихотворения, созданные Достоевским в период семипалатинской ссылки, писались, несомненно, с целью использовать себе прощение и получить возможность вернуться в литературу, что в них отразились настроения наиболее консервативной части русского общества, проповедовавшей идеи великодержавности, христианства, национализма и т. п.

Итак, сосланный царским правительством на каторжные работы, а затем переведенный на службу рядовым в 7-й Сибирский батальон, Достоевский ни на минуту не оставлял мысли о том, что он рано или поздно вернется в литературу.

Жить для Достоевского значило писать, творить. Он не представлял себе жизни вне литературы и делал все, чтобы получить прощение и иметь возможность печататься. С этой целью он и пишет пресловутые «патриотические стихи». Цель была достигнута. Он получил прощение, и хотя официального разрешения печататься еще не последовало, Достоевский, начиная с 1856 года, начинает интенсивно работать над художественными произведениями.

В рассматриваемый период времени продолжается напряженная внутренняя работа писателя по пересмотру прежних убеждений и верований. Однако этот процесс еще не был завершен, хотя многие мысли, возникшие у Достоевского на каторге и в ссылке, легли в основу его будущего реакционного мировоззрения, окончательно оформленвшегося в начале 60-х годов.

К 1857 году писатель завершает подготовку к возвращению в литературу. С этого времени начинается самый важный и ответственный этап сибирского периода творчества Достоевского, который завершился опубликованием повестей «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели».

¹ Ф. М. Достоевский. Письма, т. 1, М.-Л., 928, стр. 529.